

ИСТОРИЯ

УДК 94(38)

УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ

© 2016 г.

И.В. Востриков

Казанский федеральный университет, Казань

igor-vostrikov@bk.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016

На материале речей аттических ораторов рассматривается вопрос уклонения от военной службы в Афинах классического периода. Выделяются две категории уклонения от военной службы: уклонение от службы в целом (от мобилизации, участия в походе) и уклонение от службы «на службе», когда лицо, уже находящееся в войске, стремится избежать опасностей. Как следует из речей ораторов, имели место случаи уклонения от службы как во время гражданской междоусобицы в Афинах в конце V в. до н.э., так и во время военных действий полиса против внешнего врага. Как правило, в речах ораторов факты уклонения от военной службы не обсуждаются специально, но приводятся для создания негативной характеристики оппонента. Только две речи Лисия, направленные против Алкивиада Младшего, посвящены непосредственно уклонению от военной службы. Основной причиной уклонения от службы, по мнению ораторов, является стремление к собственной безопасности.

Ключевые слова: уклонение от военной службы, Афины, предательство, трусость, собственная безопасность, ораторы.

Обращение к теме уклонения от военной службы афинян представляется весьма интересным, особенно с учетом военной активности афинского полиса в V–IV вв. до н.э. Эпизоды уклонения от военной службы можно поделить на две категории: 1) уклонение от военной службы в целом (от призыва, участия в походе или возможной мобилизации во время грядущей опасности полису); 2) уклонение от службы «на службе» (когда человек, уже находящийся на службе в войске, стремится избежать опасностей военной кампании).

Клятва эфэбов гласила: «Я не опозорю священное оружие (которое я ношу), я не покину моего товарища, когда нахожусь в строю. И я буду сражаться, защищая храмы и святыни, и я не передам моим наследникам отечество уменьшенным, но, наоборот, преумноженным и усиленным, и я буду это делать и сам лично, и с помощью всех. И я буду благоразумно подчиняться во всякое время руководителям и законам, которые уже существуют, и тем, которые могут быть приняты позднее. Если кто-нибудь попытается уничтожить их, я буду бороться с ним и сам лично, и с помощью всех. И я буду чтить отечественные святыни. Моими свидетелями да будут боги Аглавра, Гестия, Энио, Эниалий, Арес и Афина Арейя, Зевс, Тало, Ауксо, Гегемона, Геракл, (и) границы моего отече-

ства, пшеница, ячмень, виноград, оливки, фиги» (Tod. II. 204). Именно эти слова произносили все афинские юноши – сыновья граждан, проходящие двухгодичную службу в эфебии, после которой они могли уже считаться полноправными гражданами. Таким образом, клятва эфэбов, по сути, являлась гражданской клятвой, в которой четко расставлены акценты на основополагающих нормах поведения и обязанностях афинского гражданина, среди которых важное место занимает военная служба¹. Однако не всегда все афиняне стремились исполнить свой воинский долг в силу нежелания нести тяготы службы и подвергаться опасностям во время военных кампаний.

В связи с исследованием темы уклонения от военной службы в классических Афинах необходимо обратиться к такому информативному источнику, как речи аттических ораторов. Ораторы в своих речах описывают различные обстоятельства уклонения от военной службы и обращаются к этим нелицеприятным фактам, чтобы дать соответствующую отрицательную оценку деятельности конкретных лиц или негативную характеристику своему противнику.

Говоря об эпизодах уклонения от участия в военном походе, прежде всего нужно обратиться к событиям конца V в. до н.э. – времени окончания Пелопоннесской войны, правления

«Тридцати» и гражданской междоусобицы в Афинах. В «Параграфэ против Каллимаха», принадлежащем перу Исократ, имеет место попытка отвергнуть ответчиком обвинения Каллимаха в причастности к конфискации у него денег после свержения «тирании Тридцати» во время правления Десяти. Свою невиновность ответчик аргументирует тем, что он не совершал никаких преступлений во время правления Тридцати тиранов (Isocr. XVIII. 16–18), а также тем, что выдвижение Каллимахом этих обвинений является нарушением клятвы не мстить за прошлое, данной друг другу при примирении афинянами из «городской» и «пирейской» партий². Обращаясь к личности и поступкам самого Каллимаха, ответчик обращает внимание на его поведение во время Пелопоннесской войны, правления Тридцати и гражданской смуты. Во-первых, Каллимах, как говорится в речи, во время войны со спартамцами в течение десяти лет «ни одного дня не провел в строю под началом стратегов, а находился тогда в бегах». Во-вторых, во время правления Тридцати Каллимах находился в Афинах, однако, когда начались военные столкновения между «городской» партией и «пирейской», он покинул город «из опасения перед грядущей опасностью», а после того как спартамцы осадили Пирей, вообще бежал в Беотию (Isocr. XVIII. 47–49). Из представленных сведений вырисовывается следующая картина: Каллимах не сражался за свой полис против внешнего врага и дистанцировался от активных действий во время гражданской смуты, сопровождавшейся боями на территории Аттики. Таким образом, Каллимах, как только возникала угроза войны, старался избежать участия в боевых действиях. Из-за такого поведения Каллимаха оратор предлагает считать его «скорее перебежчиком, чем изгнанником» (Isocr. XVIII. 49).

Несомненно, в условиях смуты и нестабильности в Аттике многие граждане вынуждены были покинуть родину, чтобы переждать неспокойное время. При этом наверняка некоторые из них не присоединились ни к «городской», ни к «пирейской» партии, даже когда последняя начала одерживать успехи. Пример Каллимаха не единственный, дошедший до нас в речах ораторов. При докимасии в члены Совета пятисот афинянина Филона всплыли факты его уклонения от службы во время смуты, о чем, помимо других проступков, говорится в речи Лисия. Поведение Филона схоже с поведением Каллимаха. В частности, Филону ставится в вину, что, после того как он был выслан из города наряду с другими гражданами и прожил некоторое время в деревне, он уехал в Ороп и

жил там как метек, в то время как остальные граждане, в том числе и находящиеся за границей, стали примыкать к «городской» или «пирейской» партии (Lys. XXXI. 7–9). Он не явился в Пирей, даже когда демократы стали одерживать верх, и не просил «где-либо его поставить в строй» (Lys. XXXI. 9). Как далее сообщает Лисий (Lys. XXXI. 12), у Филона не было проблем со здоровьем, что могло бы быть причиной его неучастия в вооруженных формированиях граждан. Не оказал Филон и никакой материальной помощи (Lys. XXXI. 12, 15). Однако, находясь в Оропе, он занимался грабежами стариков в афинских демах (Lys. XXXI. 17–19). Лисий подчеркивает, что Филон, тем самым, «оказался изменником по отношению не к одной партии, а к обеим; таким образом, ни у «городской» партии нет основания считать его другом (потому что он не счел нужным прийти к ним во время опасности), ни у партии, занявшей Пирей (потому что и с ними он не захотел вернуться на родину, хотя и сам был изгнанником)» (Lys. XXXI. 13). Предваряя рассказ обо всех вышеперечисленных проступках, Лисий резюмирует: «...Филон больше думал о собственной безопасности, чем об опасности отечества, и счел за благо лучше самому проводить жизнь в безопасности, чем спасти отечество, деля опасность со всеми гражданами» (Lys. XXXI. 13). По-видимому, Филон вернулся в Афины уже после окончания междоусобицы и восстановления демократии. Стремление к личной безопасности является причиной уклонения Филона от военной службы на стороне той или иной афинской партии.

В отличие от Каллимаха и Филона, Агорат, по чьему доносу при правлении Тридцати многие граждане были казнены или вынуждены бежать, во время смуты не покидал Аттику. Позднее против Агората было выдвинуто обвинение родственником одного из казненных граждан, что нашло отражение в отдельной речи Лисия (Lys. XIII). Даже несмотря на то, что он во время смуты прибыл в Филу и позднее вместе с демократами возвратился в Афины (Lys. XIII. 77), это несколько не реабилитировало его в глазах родственника казненного, который добивался смертной казни для Агората за его злодеяние в отношении граждан (Lys. XIII. 91–97). Озлобление пострадавших от Агората граждан было, по-видимому, очень сильно. Как следует из речи, когда Агорат прибыл в Филу, его схватили и хотели казнить, но, благодаря вмешательству стратега Анита, Агорат остался жив (Lys. XIII. 78–79). Можно предположить, что положение Агората среди граждан в Филе было весьма незавидным. Из этого вытекает вопрос о его военной службе. Скорее всего, Агорат не

состоял в войске «пирейской» партии в силу крайне негативного отношения к нему сограждан. В пользу этого может свидетельствовать утверждение о том, что «...не окажется ни одного человека, который бы обедал с ним за одним столом или жил в одной палатке; да и таксиарх не внес его в список своей филы; никто не разговаривал с ним как с проклятым» (Lys. XIII. 79). А если Агорат официально не служил, то, соответственно, не участвовал в боях против «городской» партии. Весьма показательным является инцидент, произошедший с Агоратом во время торжественной процессии на Акрополь «пирейской» партии, состоявшейся после примирения. Агорат шествовал с оружием вместе с гоплитами, но перед городскими воротами возглавлявший процессию Эсим бросил щит Агората на землю и прогнал его, так как считал недостойным участие убийцы в процессии в честь Афины (Lys. XIII. 80–81). Сограждане считали Агората убийцей и, по-видимому, недостойным участвовать в гоплитском ополчении, поэтому таксиарх и не внес его в список филы (хотя возможен вариант, что Агорат сам не решился вступать в войско и, таким образом, уклонился от службы). Недопуск Агората в войско можно расценивать как некоторое ограничение его в правах и обязанностях афинского гражданина³. В свете данных обстоятельств изгнание Агората из торжественной процессии на Акрополь вполне объяснимо: в глазах сограждан он был убийцей (из-за своих доносов), в результате чего он официально не был зачислен в войско, однако, несмотря на это, все же решил принять участие в процессии в честь Афины в строю гоплитов. Но если Агорат сам уклонился от службы, его изгнание из процессии тоже является закономерным⁴.

Афинские ораторы в своих речах обращаются к фактам уклонения от военной службы, которые имели место не только во время гражданской смуты, но и во время военных действий против внешнего врага. В период противостояния Афин и Македонии, как сообщается в речи Гиперида, метек Афиноген перед битвой при Херонее не отправился вместе с войском, а переселился в Трезену, тем самым нарушив афинский закон (Нур. III. 29. Стб. XIV). В данной речи предметом разбирательства является финансовый вопрос, связанный с условиями сделки по покупке рабов. Однако и здесь оратор не преминул обратиться к уклонению от службы и оставлению города Афиногеном в момент опасности, для того чтобы подчеркнуть недобросовестность, мошеннический характер его действий и, соответственно, незаконность сделки: «Он, нарушив общие установления города, опирается на частный

договор со мной, как будто кто-нибудь поверит, что человек, пренебрегший законным в отношении вас, соблюдал это в отношении меня» (Нур. III. 30. Стб. XV)⁵. Из этого следует: раз Афиноген нарушает законы полиса, что уж говорить о его отношении к простым людям.

Если метек Афиноген покинул Афины накануне битвы при Херонее, то Леократ уехал из города после битвы, в самое тяжелое и неопределенное для афинян время, когда возникла угроза непосредственно территории Аттики. Такой поступок не прошел для Леократа бесследно: через несколько лет против него Ликургом были выдвинуты серьезные обвинения. В начале своей речи Ликург оценивает провинность Леократа как «государственное преступление» (Lys. I. 1), «государственную измену» (Lys. I. 5), а его самого считает «предателем отечества» (Lys. I. 2). В заключительной части речи Ликург конкретизирует предъявленные Леократу обвинения «...в предательстве, так как оставил город в беде на произвол врага, в ниспровержении демократии, так как он не подвергался опасности за свободу, в святотатстве, так как по его вине разорались святилища и уничтожались до основания храмы; в преступлении по отношению к родителям, так как он тайно увез их изобрания, лишив их установленных обычаев; в дезертирстве и в уклонении от военной службы, так как он не явился в распоряжение стратегов» (Lys. I. 147). Согласно этому отрывку из речи оратора, предательство является лишь одним из обвинений, предъявленных Леократу. Но, с другой стороны, лексика, используемая Ликургом, четко указывает на лейтмотив речи – предательство Леократа [9, с. 151], которое, в свою очередь, включает в себя ряд аспектов, в том числе и военный. Вся речь построена на противопоставлении поступков Леократа и его сограждан.

Военный аспект предательства Леократа заключается в уклонении от военной службы. Леократ покинул Афины в «то время как мужчины, слабые телом и старые, освобожденные законами от военной службы, стоящие уже на краю могилы, метались по всему городу» (Lys. I. 40). Леократ поступил таким образом еще и несмотря на решение народного собрания, «чтобы стратеги, как им покажется нужным, выстроили афинян и остальных людей, живущих в Афинах, для защиты города» (Lys. I. 16). Положение города было настолько серьезным, что было принято решение, чтобы «Совет пяти сот в полном вооружении спустился в Пирей, позаботился об охране Пирея» (Lys. I. 37), хотя по закону члены Совета, как лица, осуществляющие государственную деятельность, освобождались от военной службы⁶.

Обвинения против Леократа можно трактовать с разных позиций. Как нам представляется, обвинение Леократа в уклонении от службы и дезертирстве (Lys. I. 147) можно считать основополагающим в ряду его прочих поступков, которые в комплексе и составляют предательство. Ведь Леократ, уклонившись от военной службы и уехав из Афин, тем самым «бежал от опасностей, нависших над отечеством, покинул своих сограждан в беде» (Lys. I. 5); не оказал помощи отеческим святыням, бросил гробницы предков (Lys. I. 8); предал Акрополь, храмы Зевса и Афины (Lys. I. 17); не решился на защиту домашнего очага, предал семейные и родственные связи (Lys. I. 131); «надругался» над статуей покойного отца, находившейся в храме Зевса Спасителя – «ведь он именуется отцом такого сына» (Lys. I. 136).

Помимо вышеизложенных случаев уклонения от военной службы, в речах ораторов встречаются также весьма интересные эпизоды уклонения от службы лиц, уже находящихся на военной службе. Эти уклонисты «от службы на службе» весьма известные персоны – сын Алкивиада, Алкивиад Младший, и богач Мидий. Уклонение от службы Алкивиада представлено в двух речах Лисия (Lys. XIV, XV), которые являются фактически единственными из речей афинских ораторов, посвященных именно уклонению от военной службы. Алкивиад Младший участвовал в походе афинских сил на помощь Галиарту в 395 г. до н.э. Его проступок заключается в том, что он, числившийся в гоплитах, перешел служить в кавалерию. Однако в первой речи по этому делу ситуация представлена таким образом, что Алкивиад виновен не только в уклонении от военной службы, когда «занесенный в список гоплитов, он не пошел с вами в поход», но также в дезертирстве, так как «в пехотном лагере он не отдал себя в распоряжение стратегов, чтобы они поставили его в строй с другими», и трусости «потому, что, обязанный делить опасности с гоплитами, он предпочел находиться в кавалерии» (Lys. XIV. 7). При этом Алкивиад официально не проходил докимазию для службы в кавалерии, как того требовали правила (Lys. XIV. 8, 10), что тоже является нарушением закона. В итоге получается, что Алкивиад виновен в трех воинских преступлениях: из уклонения от службы вытекает дезертирство и трусость. Но во второй речи разбирательство в отношении Алкивиада называется делом об уклонении от военной службы (Lys. XV. 1, 4). Таким образом, уклонение от службы Алкивиада представляет собой не уклонение от воинской обязанности в целом, а уклонение от службы в гоплитах. Алкивиад тем

самым уклонился от своих обязанностей, покинув место, на которое он был определен, хотя и принял участие в походе. В качестве причин, по которым Алкивиад перешел в кавалерию, называются: презрение к гражданам, боязнь врага, неуважение к законам, надежда избежать наказания (Lys. XIV. 9, 10). В целом складывается картина, что Алкивиад руководствовался мыслью о собственной безопасности во время похода.

Если Алкивиад, пытаясь уклониться от опасностей, перешел из гоплитов в кавалерию во время похода, то способ уклонения богача Мидия от исполнения своих воинских обязанностей в кавалерии и предстоящего похода назван Демосфеном «откупом от всаднической службы» (Dem. XXI. 166). Уклонение от службы входит в совокупность фактов и поступков, характеризующих Мидия как человека и афинского гражданина. Главным же предметом речи Демосфена, причем составленной оратором для самого себя, является трактовка инцидента на праздновании Великих Дионисий, когда Мидий нанес пощечину Демосфену, выполнявшему обязанности хорега.

Демосфен подвергает критике дар государству Мидием триеры, полагая, что он подарил ее не из «патриотических побуждений», а из-за трусости и малодушия (Dem. XXI. 160). В качестве аргументации приводится факт, что ранее Мидий не делал таких даров, а снарядил триеру государству лишь тогда, когда было принято решение Совета об отправке оставшихся всадников в поход. Однако позднее поход всадников был отменен. Мидий, несмотря на это, остался в городе, не стал исполнять и обязанности триерарха, отправив на подаренном корабле метека Памфила (Dem. XXI. 161–163). Но когда все же пришло время Мидию (вероятно, он был назначен гиппархом: Dem. 166, 172–174) вместе с всадниками идти в поход, он перешел на корабль (Dem. XXI. 164). Тем самым он уклонился от похода, хотя другие афиняне, тоже подарившие государству триеры, не стали уклоняться от своих обязанностей (Dem. XXI. 164). В связи с этим Демосфен задается вопросом: «разве не следует назвать такую триерархию скорее взятием на откуп пошлин или сбора двухпроцентного налога дезертирством, иным подобным преступлением, а не проявлением благородного патриотизма?» (Dem. XXI. 166). Да и исполнение триерархии Мидием превратилось в «спекуляцию, а не литургию», так как во время морского похода он использовал триеру в личных целях, перевозя различные грузы для себя (Dem. XXI. 167–168). Получается в итоге, что Мидий не только уклонялся от службы в коннице, когда намечался военный поход, но также плохо исполнял обязанности триерарха.

Помимо уклонения от службы, в речах также приводятся эпизоды добросовестного исполнения своих воинских обязанностей, которые, наоборот, используются для создания позитивного образа добропорядочного афинского гражданина, чтобы склонить общественное мнение в пользу этого лица. В данном случае весьма показательным примером является афинянин Мантифей, для которого Лисием была написана речь. Кроме того, история Мантифея несколько пересекается с историей Филона, о котором уже было сказано выше, в части того, что они оба проходили докимасию при назначении в Совет пятисот. Мантифей, как и Алкивиад, участвовал в походе на Галиарт, а также в походе в Коринфскую область. В речи Мантифей пытается доказать свою лояльность существующему строю и опровергнуть обвинение о службе в кавалерии при Тирании тридцати, а также доказать, что не занимал государственных должностей в это время (Lys. XVI. 1–4).

Повествуя о своей жизни, Мантифей акцентирует внимание на своей военной службе. В этом вопросе Мантифей, можно сказать, является антиподом Алкивиада. Как и Алкивиад, перед походом в Галиарт Мантифей был зачислен в кавалерию, однако попросил вычеркнуть его из списка всадников, потому что «считал позором для себя быть вне опасностей в то время, когда главная часть войска должна была им подвергаться» (Lys. XVI. 13). Кроме того, перед походом Мантифей предложил состоятельным демотам дать средства на дорогу неимущим (Lys. XVI. 14).

Храбро вел себя Мантифей и во время похода в Коринфскую область. Он попросил во время сражения поставить его в первом ряду и, хотя его фила понесла тяжелые потери, он, тем не менее, подчеркивает, что отступил только после Фрасибула, «укорявшего всех на свете в трусости». Мантифей предложил таксиарху отправить его филу на помощь беотийцам без жребия, то есть, по сути, подвергнуться новой опасности. В связи с этим Мантифей указывает, что искал опасности не потому, «чтобы бой со спартанцами казался мне не страшным, но с той целью, чтобы этим заслужить в ваших глазах славу доброго гражданина и получить все, на что имею право, в случае какого-либо несправедливого обвинения» (Lys. XVI. 17). Фактически Мантифей предстает в речи образцовым гражданином, проявляющим инициативу и подвергающимся военным опасностям ради полиса и сограждан. Благодаря своему ревностному исполнению обязанностей и заслугам Мантифей рассчитывает на уважение и расположение к себе граждан.

Сходную картину мы видим в споре о наследстве, где двоюродные братья Гагنون и Гаг-

нотей, согласно Исею, исполняют все, что от них требуется: участвуют в походах, делают взносы и «выказывают себя, как все знают, добропорядочными», а их оппонент Хариад отсутствовал в Афинах семнадцать лет и не участвовал в походах (Isaeus. IV. 27–29). Еще один афинянин, Дикеоген, которого мы встречаем в речи Исея, посвященной наследству, несмотря на полученное наследство, плохо исполнял или вообще не исполнял повинности: не вносил средств, не принимал участия в походе, хотя его родственники много сделали для блага полиса, в том числе на военном поприще, отдав свои жизни за Афины (Isaeus. V. 35–46).

Необходимо отметить, что если обращения ораторов к уклонению от службы касалось отдельных лиц, то Демосфен пытается по-иному взглянуть на эту проблему. Л.П. Маринович справедливо замечает: «Демосфена возмущает и удручает отсутствие энергичной практической деятельности. Он упрекает сограждан в беспечности, отсутствии инициативы там, где нужно принимать решительные меры, в безрассудстве, из-за которого дела полиса пришли в негодное состояние. ...указывается, что рядовые граждане не хотят выступать в поход, а богатые не хотят делать денежных взносов» [16, с. 76]. Демосфен неоднократно поднимает эту проблему (Dem. II. 23–24; III. 14, 24, 30, 34; IV. 2, 13, 30, 45; VI. 3–4; VII. 21 и т.д.). Оратор обращается ко времени гегемонии Афин в Элладе, когда граждане сами добросовестно выполняли все свои обязанности. Фактически Демосфен говорит о нежелании граждан отправляться в походы, что можно расценивать и как уклонение от службы в целом и, соответственно, нежелание переносить сопутствующие тяготы. Такое поведение граждан, однако, нельзя расценивать как воинское преступление, так как решение о военных походах принималось на Народном собрании⁷. Возможно, что подобная ситуация связана с привлечением наемников на военную службу в Афинах в IV в. до н.э., значительные контингенты которых были задействованы в борьбе с Филиппом II и позднее, например в период Ламийской войны [17, с. 81–85; 18, с. 120–121; 19, с. 59–81; 20, с. 143–154, 204–205].

Анализ эпизодов уклонения от военной службы, главным источником которых были речи афинских ораторов, показывает, что, как правило, факты уклонения от военной службы не были предметами специального рассмотрения в речах, а представлялись в контексте общей (негативной) характеристики человека (его личности, поведения, жизни). Исключением можно считать речи Лисия против Алкивиада, в которых главной темой было уклонение Алки-

вида от службы, а характеристика личности героя, его образ жизни и деятельность отца шла в качестве аргументации, приводимой истцом в подкрепление своей позиции. Причем обращение к фактам уклонения от службы могло использоваться в разбирательствах различного характера. Главной же причиной уклонения от службы называется стремление избежать опасностей, которые неминуемо преследовали всякого, находившегося на военной службе.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

Примечания

1. Клятва эфбев сохранилась в нескольких вариантах: у Поллукса (Pol. Onom. VIII. 105–106), Стобея (Stob. 43. 48), Ликурга (Lys. I. 77) и в надписи из Ахарны (Tod. II. 204). В данной статье представлен эпиграфический вариант клятвы со стелы из Ахарны, которая, по мнению М. Тода, датируется второй половиной IV в. до н.э. [1, р. 305]. П. Родс и Р. Озборн относят стелу из Ахарны к третьей трети IV в. до н.э., причем ко времени до реформы Эпикрата [2, р. 448]. Однако исследователи сходятся во мнении, что сама клятва имеет более раннее происхождение [1, р. 306; 2, р. 449; 3, р. 104–107, 109–111]. Впрочем, Д. Кэллогг полагает, что, так как клятва главным образом касается обязанностей гражданства, а не военной службы, существование клятвы в VI и V столетиях до н.э. само по себе не предполагает существование формальной системы эфбеской службы или обучения, как мы находим их в IV столетии [4, р. 3].

2. Клятва приводится у Андокида (I. 90): «И не буду помнить зла ни на кого из граждан, за исключением Тридцати, Десяти и Одиннадцати; и даже из них ни на кого, кто пожелает представить отчет в исполнении той должности, которую он занимал».

3. Лисий также подвергает сомнению правомочность получения Агоратом афинского гражданства как убийцы Фриниха (Lys. XIII. 70–75).

4. Помимо Филона и Агората, Лисий ставит в вину оратору Андокиду то, что он не служил и не оказывал никакой помощи Афинам как во время войны со спартанцами, так и после, то есть в период смуты (Lys. VI. 46). Однако, в отличие от Филона и Агората, Андокид, после процессов о повреждении герм и профанации Элевсинских мистерий накануне Сицилийской экспедиции 415 г. до н.э., был вынужден отправиться в добровольное изгнание (Andoc. II. 10). Андокид предпринимал попытки вернуться в город в 411 г. до н.э. и в 407 г. до н.э., но это удалось ему только в 403 г. до н.э. (Andoc. I. 132; II. 12–15, 20–22; Ps.-Plut. Vitae X Orat. II, р. 835A). Хотя он и оставался афинским гражданином, но из-за своего пребывания на чужбине он не принимал участия в военных действиях, которые вели афиняне. Как справедливо замечает С. Тодд относительно упрека Лисия в адрес Андокида по поводу его военной службы (Lys. VI. 46), в период с 422 по 415 г. до н.э. и в период с 403 по 395 г. до н.э., то есть время проживания Андокида в

Афинах, полис не вел полномасштабные военные действия, и оратор мало что мог здесь сделать [5, р. 468]. Жизни и деятельности Андокида посвящена специальная монография А. Миссиу [6]. В статье Е.В. Никитюк хорошо освещены основные жизненные этапы оратора в контексте политической ситуации в Афинах конца V – начала IV в. до н.э. [7, с. 23–36].

5. Метеки, хотя и не были включены в гражданский коллектив полиса, тем не менее, могли привлекаться к военной службе. Метеки могли служить в гоплитах, а также на флоте, что хорошо прослеживается во время Пелопоннесской войны. Согласно Фукидиду (Thuc. II. 13. 6–7), в начале войны сухопутные вооруженные силы Афин насчитывали «13 тысяч гоплитов (кроме воинов в гарнизонах крепостей и 16 тысяч человек, охранявших городские стены)». Метеки вместе со старыми и молодыми гражданами служили в гоплитах и охраняли стены. Во время вторжения афинских сил в Мегариду в 431 г. до н.э. из 10 тысяч гоплитов 3 тысячи были метеками (Thuc. II. 31). Но более важным кажется роль метеков в комплектовании флота (Thuc. I. 143. 1; III. 16. 1; VII. 63. 3; Ps.-Xen. I. 12; Diod. XIII. 97. 1; Dem. IV. 36). Однако, как замечает Дж.Т. Маврокордатос [8, р. 43–45], несмотря на роль метеков в военной организации полиса, права гражданства в V–IV вв. до н.э. им даровались редко, обычно индивидуально и за особые заслуги; исключением из этого правила могут быть предложения о массовом даровании прав гражданства в 406 г. до н.э. (Diod. XIII. 97. 1), для пополнения флота людскими ресурсами, и в 338 г. до н.э. (Lys. I. 41; Ps.-Plut. Vitae X Orat. IX, р. 849A), вследствие паники после поражения при Херонее, когда Афины находились в опасности.

6. От службы в гоплитах освобождались некоторые категории афинских граждан. В частности, освобождение имели вышеупомянутые члены Совета пятисот (Lys. I. 37) и, возможно, ряд других магистратов; граждане, участвующие в судебных разбирательствах (Andoc. IV. 22; Isaeus. V. 46); лица, взявшие на откуп сбор двухпроцентного налога (Dem. LIX. 27; XXI. 166); действующие триерархи (Dem. XXI. 166); хоревты и, возможно, хорегии (Dem. XXI. 15, 103; XXXIX. 16); лица, не годные к службе по состоянию здоровья, причем инвалиды даже могли получать средства на пропитание (Arist. Ath. Pol. 49. 4; Lys. XXIV. 13; Aesch. I. 103); граждане, находящиеся в отъезде или проживающие за пределами Аттики; граждане, только что вернувшиеся из похода (Lys. IX. 4, 15); служащие в коннице и, возможно те, кто не мог обеспечить себя гоплитским вооружением. Не исключено, что получить освобождение от похода можно было путем неофициальной договоренности со стратегом при составлении списков призывников [10, с. 38; 11, р. 346–348; 12, р. 404–407; 13, р. 37–41; 14, р. 52–64; 15, р. 31–34].

7. М. Крист, рассматривая уклонение от военной службы афинян, указывает, что причиной нежелания служить, кроме самосохранения, могло быть несогласие гражданина с решением Народного собрания о военной кампании, убеждение, что политики, преследуя свои цели, обманули народ, а также переживание за судьбу семьи, имущества во время своего отсутствия или в случае гибели [13, р. 35–36; 14, р. 48–51].

Список литературы

1. Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford: Clarendon Press, 1948. Vol. 2. 344 p.
2. Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions, 404–323 B.C. Oxford: Oxford University Press, 2003. 594 p.
3. Siewert P. The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // *Journal of Hellenic Studies*. 1977. V. 97. P. 102–111.
4. Kellogg D. Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα. The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens // *Mouseion*. 2008. V. 8. Ser. III. P. 1–22.
5. Todd S.C. A Commentary on Lysias, Speeches 1–11. Oxford: Oxford University Press, 2007. 783 p.
6. Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides: Politics, Ideology, and Decision-making in democratic Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 232 p.
7. Никитюк Е.В. Оратор Андокид и процессы по обвинению в нечестии (ἀσέβεια) в Афинах на рубеже V–IV вв. до н.э. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. 1996. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). С. 23–36.
8. Mavrogordatos G.Th. Citizenship and Military Obligation in Classical Athens: The Anomaly of the Metics // *Athenian Legacies, European Debates of Citizenship* / Ed. by P.M. Kitromilides. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2014. P. 37–47.
9. Рунг Э.В., Востриков И.В. Тема предательства и патриотизма в речи Ликурга «Против Леократа» // *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 150–157.
10. Бондарь Л.Д. Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб.: Нестор-История, 2009. 204 с.
11. Sekunda N.W. Athenian Demography and Military Strength 338–322 B.C. // *Annual of the British School at Athens*. 1992. V. 87. P. 311–355.
12. Christ M.R. Conscription of Hoplites in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2001. V. 51. № 2. P. 398–422.
13. Christ M.R. Draft Evasion Onstage and Offstage in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2004. V. 54. № 1. P. 33–57.
14. Christ M.R. The Bad Citizen in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 250 p.
15. Crowley J. The Psychology of the Athenian Hoplite. The Culture of Combat in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 240 p.
16. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы: Курс лекций. М.: ИВИ РАН, 2001. 134 с.
17. Маринович Л.П. Конец классической Греции (Ламийская война) // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М.: Наука, 1990. С. 103–140.
18. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 275 с.
19. Landucci Gattinoni F. I Mercenari nella politica ateniese dell' età di Alessandro. Parte II // *Ancient Society*. 1995. V. 26. P. 59–91.
20. Parke H.W. Greek Mercenary Soldiers from the Earliest times to the Battle of Ipsus. Oxford: Clarendon Press, 1933. 243 p.

EVASION OF MILITARY SERVICE IN CLASSICAL ATHENS

I.V. Vostrikov

Based on the material of Attic orators' speeches, this paper examines the issue of military service evasion in classical Athens. Two categories of military service evasion in Athens are identified: evasion of service as a whole (evading mobilization or participation in a military campaign) and evasion of service «while in the service», when a person already serving in the army tries to avoid the dangers of war. As it follows from the speeches of the orators, there have been cases of evasion of service both during the civil strife in Athens at the end of the 5th century BC, and during the war against the external enemy. As a rule, facts of evasion of military service are not specific subjects of the speeches; they are only used to create the negative characteristics of the opponent. Only two speeches of Lysias against Alcibiades the Younger are dedicated specifically to the issue of military service evasion. According to the orators, the main reason for evading military service was the pursuit of own security.

Keywords: military service evasion, Athens, treachery, cowardice, private security, orators.

References

1. Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford: Clarendon Press, 1948. Vol. 2. 344 p.
2. Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions, 404–323 B.C. Oxford: Oxford University Press, 2003. 594 p.
3. Siewert P. The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // *Journal of Hellenic Studies*. 1977. V. 97. P. 102–111.
4. Kellogg D. Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα. The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth Century Athens // *Mouseion*. 2008. V. 8. Ser. III. P. 1–22.
5. Todd S.C. A Commentary on Lysias, Speeches 1–11. Oxford: Oxford University Press, 2007. 783 p.
6. Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides: Politics, Ideology, and Decision-making in democratic Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 232 p.
7. Nikityuk E.V. Orator Andokid i processy po obvineniyu v nechestii (ἀσέβεια) v Afinah na rubezhe V–IV vv. do n.eh. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta*. 1996. Ser. 2. Vyp. 3 (№ 16). S. 23–36.
8. Mavrogordatos G.Th. Citizenship and Military Obligation in Classical Athens: The Anomaly of the Metics // *Athenian Legacies, European Debates of Citizenship* / Ed. by P.M. Kitromilides. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2014. P. 37–47.
9. Rung Eh.V., Vostrikov I.V. Tema predatel'stva i patriotizma v rechi Likurga «Protiv Leokrata» //

Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2014. T. 156. Kn. 3. S. 150–157.

10. Bondar' L.D. Afinskie liturgii V–IV vv. do n.eh. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. 204 s.

11. Sekunda N.W. Athenian Demography and Military Strength 338–322 B.C. // *Annual of the British School at Athens*. 1992. V. 87. P. 311–355.

12. Christ M.R. Conscription of Hoplites in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2001. V. 51. № 2. P. 398–422.

13. Christ M.R. Draft Evasion Onstage and Offstage in Classical Athens // *Classical Quarterly*. 2004. V. 54. № 1. P. 33–57.

14. Christ M.R. *The Bad Citizen in Classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 250 p.

15. Crowley J. *The Psychology of the Athenian Hop-*

lite. The Culture of Combat in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 240 p.

16. Marinovich L.P. *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novye podhody: Kurs lekcij*. M.: IVI RAN, 2001. 134 s.

17. Marinovich L.P. *Konec klassicheskoy Grecii (Lamijskaya vojna) // Ehllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura*. M.: Nauka, 1990. S. 103–140.

18. Marinovich L.P. *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.eh. i krizis polisa*. M.: Nauka, 1975. 275 s.

19. Landucci Gattinoni F. *I Mercenari nella politica ateniese dell' età di Alessandro. Parte II // Ancient Society*. 1995. V. 26. P. 59–91.

20. Parke H.W. *Greek Mercenary Soldiers from the Earliest times to the Battle of Ipsus*. Oxford: Clarendon Press, 1933. 243 p.